ИСПОВЕДЬ ПРОХАНОВА

В ВИХРЕ ПЫЛАЮЩИХ СТРОК

ТЕЛЕВИЗИОННЫЙ ЦИКЛ "Исповедь" вышел на Первом канале в ночные часы в режиме одна серия в неделю. Всего их было шесть. Главным и единственным героем этого фильма стал писатель, публицист, общественный деятель Александр Андреевич Проханов. Жизнь, рассказанная писателем от первого лица, переливалась алмазными гранями, раскрываясь и через крохотные детали, и через громадные философские обобщения. То была изысканная образная речь, непрерывная художественная вязь русского литературного языка.

Проханов объял своей жизнью огромный период истории страны. Удивительно, как одна долгая жизнь может включать в себя сразу несколько совершенно разных исторических эпох. Знаменитый русский физиолог Иван Павлов успел пожить и при Николае I, и при Сталине. Проханов же воочию видел и Сталина, и Путина. При этом он является нашим современником, действующим журналистом, активным участником общественного и литературного процесса. Его передовые статьи украшают первую полосу газеты "Завтра", его выступления заметно оживляют и усиливают политический дискурс современной России.

Великую Победу 1945 года Проханов застал семилетним мальчиком. В Катастрофу 1991 года он вступил вместе со всей страной, будучи уже маститым и известным писателем. Было ему тогда пятьдесят три года…

"Проходя сквозь века и страны в обличье всех рас земных", Проханов оставался, прежде всего, художником слова, что явственно видно из этой автобиографической ленты. С цепкостью литератора он выхватывает из великой мешанины бытия разноцветный бисер времён. Его рассказ изобилует отдельными яркими чёрточками, потрясающими блёстками — тем, из чего складывается образ немых, громадных и безымянных явлений нашей вселенной. При этом часто в дело вступает знаменитая прохановская метафора — единственный доступный человеческому уму метод познания непознаваемого.

В течение шести вечеров Проханов, словно удачливый рыбак, забрасывает удочку в тёмные воды прошлого и каждый раз вытягивает из глубин огромного демона, бешено трепыхающегося монстра. Ведь прошлое кишит призраками эпох, канувших в омут вечности.

ПРОХАНОВ РАССКАЗЫВАЕТ: "В юности я заболел странным недугом, этим недугом явилась потребность изображать всё, что я видел: радугу в хрустальной чернильнице на моём столе, горький запах клейкой тополевой почки, прилипшей к моей ладони, звук голосов мамы и бабушки, которые я слышал сквозь неплотно прикрытую дверь. Этот недуг разрастался с годами и превратился в болезнь писательства — стремление изобразить окружавший меня мир, перенестись в этот мир, покинуть реальный мир и жить в изображённом мною мире.

Всю мою жизнь я занимаюсь писательством и переношу явления внешнего мира в мир моих романов — в мир, искусственно созданный. И я не ведаю, какой из этих двух миров является подлинным. И где подлинный я сам: из плоти и костей, живущий в этом внешнем громадном мире, или тот, прозрачный, как мираж, блуждающий в лабиринтах моих романов, населяя искусственный, созданный моим воображением мир".

В этом отрывке повествования поднимается тема миссии творца. Если есть миссия, значит, всё неслучайно, значит, есть сверхзадача.

Проханов чувствует себя разведчиком Бога, посланником вечности, заброшенным сюда на Землю для выполнения какого-то важного задания.

Для художника-разведчика в этом мире нет мелочей, нет случайностей. Ему приходится рисковать и преодолевать сомнения и страхи. Войны, государственные перевороты, странствия — это не погоня за впечатлениями, не адреналиновый голод, не экстремальный спорт. Это неуклонное и методичное выполнение приказа свыше.

Да, Проханов — исторический романист, но не такой, как Александр Дюма или Валентин Пикуль. Для них история — это роскошный гобелен, изобилующий затейливым орнаментом. То, чем Проханов насыщает свои тексты, находится не в прошлом. Это актуальная история, которая подобна раскалённой магме. Малиновые языки её ползут и пышут жаром. Автор имеет дело с незавершённой, длящейся, рвущейся и пузырящейся историей. Такая история чревата непредсказуемыми поворотами и неприятными сюрпризами.

Работать с неукрощённой историей — дело неблагодарное. И не только потому, что такая деятельность связана с реальными опасностями — войнами, катастрофами, заговорами. Но прежде всего потому, что живая история подобна оголённому проводу, по которому бежит ток в миллионы ампер. Тронь этот провод рукой, и ты сгоришь, станешь кучкой пепла.

Оттого множество художников страшатся современной истории. Хотят дождаться момента, когда эта стихия успокоится, перестанет бить током, прекратит брыкаться и взрываться. И действительно, наступает момент, когда кровавые бинты волшебным образом превращаются в золотые позументы, гнойные раны — в юбилейные медали, а жестокие дикие сражения становятся красивыми легендами.

С годами художник убеждается, не без страха осознаёт, что изрекаемое им слово является пророческим. И роман об атомной станции, в котором художник описывает катастрофу, публикуется в преддверии реальной катастрофы Чернобыля.

"На вертолёте я поднимался над четвёртым взорванным блоком Чернобыльской АЭС и сверху заглядывал в ядовитое гнилое дупло, из которого точились дымные яды. Там, на этом вертолёте, я получил двойную дозу радиации. А когда дезактивировали соседний, третий, блок, на который свалилась груда радиоактивных обломков, урана и графита, я вместе с отрядами химзащиты мчался по этому залу с веником, в жестяной совок стряхивал ядовитые частицы и стремился назад, выбрасывая их в контейнер для мусора. Я пережил такое напряжение, что бахилы мои хлюпали от пота".

Проханов — этатист. Он оставался государственником даже тогда, когда государство стремилось самоуничтожиться. Проханов заявляет о необходимости союза между художником и государством. Созидательны те периоды, когда государство и художник действуют в унисон, когда на горизонте эпохи появляется Государственный художник, такой, например, как Шолохов…

Характерно, что автор, работая с незавершённой историей, сам чувствует себя незавершённой историей. Вот что он говорит:

"Я жил в историческом времени. Я сам был историческим временем, был историей. История убегала вперёд, неудержимо мчалась, ускользала от меня, я стремился её нагнать, я рыл для неё волчьи ямы. Мои романы — это ямы, куда залетала пойманная мной история. А потом она вырывалась из этих ям и мчалась дальше, пока не попадала в новую расставленную мною западню.

Я был охотник за историей, или, быть может, история охотилась за мной. И теперь уже неясно, кто — дичь, а кто — охотник".

Исследователь, изучающий психологию творчества, мог бы извлечь из прохановской одиссеи множество интересных наблюдений, описывающих путь художника. Ведь, согласно Проханову, для художника нет явлений достойных и недостойных. Все элементы бытия неслучайны и требуют к себе внимания. Всё, даже самое ужасное и отвратительное, явлено художнику для отображения, для увековечивания. Ведь "его призвали всеблагие как собеседника на пир…"

Задача автора — во что бы то ни стало задержать мгновения неугомонной, струящейся, крутящейся вселенной.

"Юношей я смотрел в открытую форточку, в которой трепетал и струился студёный апрельский воздух, и в этом воздухе в форточке возникали ревущие сверкающие самолёты, летящие на парад. С каждым годом эти эскадрильи становились всё больше, самолёты — всё грандиознее и прекраснее".

Ужасна ситуация, когда государство и художник расходятся или вступают в борьбу друг с другом. Художник восстаёт против государства. И это восстание часто кончается смертью художника. Его гибелью от пули или от удара кастетом. Но бывает, что он становится могильщиком своего государства. И тогда на лице такого художника появляется печать Иуды, мертвящий оттиск совершённого предательства.

Проханов говорит: "Я был всегда с моим государством, в часы его триумфов и поражений".

На памятнике Гоголю, что стоит на бульваре в Москве, высечена надпись:

"Великому художнику слова от правительства Советского Союза". Эта надпись — образец сталинской чёткости и лаконичности. В будущем на памятнике Проханову можно будет прочесть слова: "Певцу русских побед и катастроф".

Иероним Босх на своих складнях отобразил и рай, и ад. Рай Босха — пронзительно-пустынный, светящийся таинственными голубыми далями.

Рай Проханова — это детство в Тихвинском переулке, драгоценные лица родных, навеки самых близких на свете людей. Это древний Псков со своими великими дарами и непревзойдёнными гениями. Это божественно красивая и разнообразная в своих сезонных превращениях родная подмосковная природа.

"Я жил в крохотной избушке за печкой, где умещались кровать и стол, за которым я сидел и писал мои первые рассказы и повести. С хозяйкой тётей Полей мы играли в карты, пели русские песни. Когда случались морозы, она шла в сарай и снимала с насеста замерзающих кур, приносила в избу, спускала их в подпол, чтобы они не застыли. И ночью из подпола вдруг начинал петь петух. Сквозь сон я слышал его глухие подземные крики и понимал, как устроена земная жизнь, в центре которой, в самой сердцевине земли, живёт и поёт петух.

Тётя Поля была моей Ариной Родионовной, которой я читал мои первые рассказы. Из вечера в вечер она рассказывала мне свою долгую жизнь, где был суровый, неведомый мне муж, малые, почившие в младенчестве дети, немецкие танки на деревенской улице, от грохота которых рассыпались кровли. О чуде Пресвятой Богородицы под Москвой, которая вдруг явилась и погнала немцев прочь от столицы. О Ново-Иерусалимском монастыре, вокруг которого земли носили имена евангельских гор, селений и рек. Здесь были Фавор, река Иордан, Галилейское озеро и Гефсиманский сад".

РАЙ ПРОХАНОВА — это, конечно же, и техносфера, необходимая для создания охранного купола над человечеством. Восхищение перед творением рук рабочих и интеллекта инженеров превращает Проханова в художника-технократа, которому свойственно эстетическое любование величием и мощью Второй природы:

"В Воронеже на авиационном заводе я видел, как строился первый в мире сверхзвуковой пассажирский самолёт Ту-144 — белоснежный остроклювый журавль. Распахивались ворота грандиозного цеха, и самолёт из сумерек выкатывал на солнце и взмывал в голубое небо".

Рай Проханова — это Россия в своём мистическом светоносном измерении. Россия вечная!

"Я знал и мог спеть сто русских народных песен. Видел столько монастырей и храмов! Перечитал столько древнерусских грамот, летописей! Я так любил жену и детей, так чувствовал русскую природу и неисповедимость русских дорог, что однажды мне явился ангел. Это было на Оке, в заливных лугах под Лопасней. Он встал передо мной из раскалённых трав, из кипящих серебряных вод — огромный, поднебесный, напоминавший столп света. Он поднял меня, на руках вознёс над миром, показал мне мир со всеми океанами, материками и островами и произнёс какое-то слово. Я не мог понять, что это было за слово. Но оно было огромным, прекрасным и всеобъемлющим.

Ангел был могущественным. Но это могущество было могуществом любви и красоты. Мгновение он держал меня на руках и отпустил на землю. Этот ангел рассказал мне, что есть бесконечная, благая, восхитительная жизнь, где нет бед, уродства, тьмы, а одна красота и любовь".

СЛЕДУЕТ ПОДЧЕРКНУТЬ, что Иероним Босх при всех своих пронзительных прозрениях райских далей многим запомнился створками с изображениями ада.

Прямо в центре прохановской судьбы находится величайший надлом русской цивилизации. Необъяснимая ни с какой точки зрения перестройка и наступивший за ней ужасающий крах могучего Советского Союза — исторические события планетарного значения.

Проханов исследует Тайну перестройки:

"Главная беда, свалившаяся на моё государство, на мой народ и на меня лично, — это перестройка, фантастическое явление, когда государство превратилось в скорпиона, жалящего себя самоё. Крушилось всё, что добывалось страной в величайших трудах и победах. Рушилась громада советской цивилизации. Уничтожались имена и святыни. Громились репутации, падали памятники. Уничтожалась великая армия. Закрывались фантастические заводы. Американские гильотины рубили ещё действующие советские подводные лодки. Враги государства сидели в Кремле, в министерствах, в штабах, на телевидении, в книжных издательствах. На меня сыпался этот чудовищный камнепад. И я видел, как мой народ побивается камнями перестройки".

Проханов преуспел и в изображении русского ада девяностых. Проханов — это Босх русской литературы.

"Страна омертвела. Мёртвая, она лежала на дне Истории. Она истлевала. Как из туши мёртвого кита, прогрызая тухлую кожу, вылупляется множество жучков, личинок, ядовитых сороконожек, вёртких разноцветных букашек, радужных скользких червей, так из мёртвой страны вылезло огромное количество странных химерических существ.

В русской политике, в искусстве, шоу-бизнесе, педагогике, экономике появлялись странные долгоносики, человеко-рыбы, звероящеры, женщины с десятью грудями, мужчины о трёх головах. Их внутренние органы висели на них снаружи. Крикливые депутаты, обольстительные телеведущие, новые собственники нефтяных полей и алмазных приисков казались загадочными уродами, чьи мочевые пузыри, желудки и почки висели поверх их костюмов и платьев. И все они были подёрнуты разноцветной плёнкой тления.

Это был мир призраков и миражей. Мир людей, что не отбрасывали тени, и теней, которые отбрасывали от себя людей. Этот призрачный мир с химерическими героями наполнял мои романы. В них из книги в книгу тянулось иногда тихое, иногда жуткое безумие — то безумие, которое переживала Россия".

Прожив громадную жизнь, от Сталина до Путина, исследовав и описав огромный отрезок Русской истории, где величие сменяется падением, а затем новым восхождением к величию, художник делает открытие, обнаружив в русской истории некую странную закономерность. Речь идет об исторической синусоиде, значительный отрезок которой он отразил в своих романах.

"Исповедь" Александра Проханова — это прежде всего рассказ о России, которая была явлена художнику в её величии и унижении, в победах и катастрофах, в прозрениях и заблуждениях. При этом оставалась всё той же Россией — драгоценной, неповторимой и вечной.

"Как пахарь идёт вслед за конём, вспарывая плугом плотную землю, извлекая из неё клубни и коренья, так я извлекал из жизни мои книги. Множество моих книг, стоящих на книжной полке в моём кабинете, это верстовые столбы моих дорог".

Усердие, с каким художник осуществляет своё призвание, не даёт исчезнуть быстротечным явлениям этого мира. Кто-то невидимый и могущественный берёт его за руку и ведёт через священные рощи, кромешные войны и ревущие толпы. Он открывает художнику всё новые и новые двери, приводя его туда, где нет места простому смертному. Наконец, Господь открывает ему свои сокровенные кладовые, и художник становится причастным к Божественным тайнам мироздания. К нему является ангел и открывает ему мир сущностей, коих нет на Земле. Он предлагает ему сесть за письменный стол и описать эти сущности, при том, что эти сущности невозможно описать, ибо они неописуемы.

Среди громад опустевших веков, на самой кромке невидимых миров, в огненном вихре порхающих слов стоит художник. Вглядывается в Бессмертие.

Алексей ГОНЧАРОВ

БЛАГОДАТИЮ И ЩЕДРОТАМИ

"ИСПОВЕДЬ" — так назвал Александр Проханов шестисерийный автобиографический фильм. Это название — не просто метафора, это особый род отношений с жизнью, с самим собой.

Для всякой автобиографии необходимо найти временное измерение. Время первично, оно рождает пространство, рождает среду, событийность, куда можно поместить себя, друзей и врагов, слова и смыслы.

Проханов всегда и во всём предельно автобиографичен. Автобиографичен в своих романах и повестях. От первых: "Иду в путь мой", "Желтеет трава", "Кочующая роза"; до недавних: "Он", "Меченосец", "ЦДЛ", "День", "Лунатик". Это художественное время, которое способно закольцовывать, обращать вспять, монтировать и демонтировать реальное время. Оно даже спустя десятилетия и века будет современно читателю, потому что литература — инобытие, где никто и ничто не умирает.

Но есть время документальное, живущее в прохановских очерках, репортажах, передовицах, интервью. Это летописи нашего времени, по ним будут судить о нынешней эпохе, их в горячих спорах будут разбирать наши потомки, желая постичь минувшее.

Но почему же после всех романов, сборников статей, после книги бесед "Вопрос в лоб", книги воспоминаний о современниках "Заветные люди", после мемуаров "Хождение в огонь", после телевизионного повествования о пережитых войнах "Солдат империи" возникла "Исповедь"? Потому что появилось ощущение нового временного измерения.

Исповедальное время. Оно ждёт от тебя общей исповеди, когда ты пребываешь со своим народом, там, где твой народ, к несчастью или к счастью, был. Здесь ты негромко произносишь лишь своё имя, признавая всё содеянное, что прозвучало из уст исповедующего, разделяя со всеми ответственность. Но исповедальное время ждёт от тебя и частной исповеди. И здесь, подходя ко Кресту и Евангелию, вспоминания о муках и благой вести, понимаешь, что подлинная, сердечная, горячая исповедь не хронологична, не последовательна.

Возникает водоворот людей, поступков и событий, который очень сложно упорядочить, трудно изъяснить. Шолохов приглашает молодого писателя на юбилей в Вёшенскую — и тут же возникает лицо Милошевича накануне бомбёжек Белграда натовской авиацией. Беспомощная корова тонет в алтайской реке — и вдруг жуткой вереницей бегут собаки, изуродованные после уничтожения афганского кишлака. "Нам нужна великая Россия", — выплывают из памяти слова Столыпина, и поверх этих слов тут же проступает изречение адмирала Макарова: "Помни войну".

Сложно понять, что грех, что праведный порыв, что просто воспоминание. Казавшееся важным меркнет, становится второстепенным. Кто-то давно забытый ослепительно вспыхивает в памяти, влечёт за собой другую вспышку. Понимаешь, что жизнь начертила несколько разных синусоид, написала несколько разных сценариев, а ты успел прожить их все, как таинственная птица, перелетая с ветки на ветку огромного древа познания. Но при этом у всех синусоид есть точки пересечения. В них рождаются странные и промыслительные сближения.

СВЯТОСТЬ. Поруганная Тихвинская колокольня, как самый сокровенный собеседник, будет смотреть в окно московской квартиры, рассказывать юному Проханову о временах минувших и грядущих, ждать от него первых родниковых слов, что изольются на бумагу. Возрождённый на территории Севмаша храм, который будет напоминать о бывшем здесь прежде монастыре, откроет Проханову, что озарённые этим храмом подводники подобны монастырской братии, а подлодка — общей келье. Евгений Родионов — по прохановскому слову, "народный святой", наш современник — продлил линию русской святости от самых первых наших святых — страстотерпцев Бориса и Глеба.

Диссидентство. Церковное и культурное. Отец Лев Лебедев, знавший гонимых советской властью катакомбников, и Мамлеев, собравший вокруг себя инфернальных художников, чьё сознание было на зыбкой грани между безумием и гениальностью. Оба — и Лебедев, и Мамлеев — вызов: вызов света и вызов тьмы официальной идеологии и официальной эстетике.

Атом. Научный — оборонный — катастрофический. Поиск урановой руды вместе с геологическими экспедициями. Ядерные испытания. Пребывание на атомной подводной лодке. Ликвидация чернобыльской аварии. Атомная энергия влечёт писателя: творчество — тоже ядерный взрыв, преобразование материи, рождение изотопов бытия.

Отец. Погибший под Сталинградом и вечно живой. Он будет всегда рядом с сыном. В каждой горячей точке. В каждом окопе. В каждом романе. Таинственной птицей радости и печали он найдёт сына и в афганской пустыне, и в тропическом лесу, и на Саур-Могиле среди ополченцев.

Сталин. Детское видение на трибуне Мавзолея во время первомайского парада в послевоенной Москве. Сила, занёсшая смертельный топор над прадедом Проханова. Воплощение небывалой Победы и расцвет советской эпохи. Непреодолимая двойственность русского бытия: сопряжение величия и трагедии.

Из этих сближений трудно выстроить последовательность, но из них складывается история. Русская история тоже не хронологична: это не череда, а сеть событий. Всё связано со всем. Во всём причина и всюду следствие. Русская история — категория не времени, а вечности. Но так же, как и у времени, у неё есть свои мерила.

Детство. Ты появился на свет. Озарился этим светом. Поразился. Пережил первые восторги — и оттого история пошла по-иному. И всё былое обрело новые смыслы, а грядущее стало ждать твоего пророчества.

Русская деревня. Она свила гнездо для истории. Уберегла память о самом драгоценном, об истоках бытия. Всё в деревне — и природа, и труд, и изба, и застольная песня, и вышитый рушник, и расписная игрушка — рассказывает о сотворении мира.

Советская техносфера. Проханов нашёл для неё художественное слово, небывалый язык, облёк её в эстетику, возвёл в философскую категорию. Оживотворил машину, опоэтизировал производственный процесс. Рождение заводов, комбинатов, городов предстало как рождение нового мироздания со своими сакральными днями творения.

Война. В каждой из них есть приметы конца земной истории. Сломанные печати, пролитые чаши гнева, всадники, наводящие ужас. Но это предельное состояние бытия, когда с тайны сорваны все покровы, манит писателя тем, что всё в человеке на войне приобретает новые свойства, наполняется иными сущностями. Возникает человек, способный попрать смерть.

Политика. Сила, способная вырвать писателя из любования прошлым и грёз о будущем и бросить в кипящую лаву настоящего. Политика как борьба идей требует от писателя предельного напряжения, требует всех его дарований. Статьи и воззвания, такие как "Трагедия централизма" или "Слово к народу", родятся мгновенно, словно горячий выдох, словно боевой клич, но энергии заберут больше, чем обстоятельный роман. Газеты "День" и "Завтра" на много лет станут еженедельными романами редактора Проханова.

Кажется, русская литература уготовила всё это для нескольких творческих биографий, но чаша грозного и благодатного бытия досталась одному Проханову. И он сдюжил: укротил историю. Стал ловцом истории, который позволил ей поймать самого себя. Он не дал истории умереть, делая её бессмертной в своих романах. История же сберегла его среди пуль, среди врагов и напастей.

История умоляет писателя пролить на неё живую воду, чтобы её могучее, богатырское тело, рассечённое распрями и противоречиями, наконец, срослось. И Проханов проповедует о том, что нет ни красных, ни белых, а есть русские люди. Проханов свидетельствует об извечной русской империи, которую, словно икону, переносят из века в век, лишь меняя на ней ризы. Проханов насыпает Изборский холм, где собраны земли из русских обителей, из мест нашей боевой славы, из мест, озарённых русской литературой.

ПРОХАНОВ ОДНАЖДЫ сказал, что спустя годы всё пережитое казалось бы ему сном, если бы не живые свидетельства — романы. Каждый прохановский роман — это сачок, которым писатель, как бабочек, ловит людей, их слова, деяния и помыслы. Страстный охотник и собиратель, он неустанно гонялся за добычей и в итоге нажил огромную коллекцию литературных бабочек. И кажется, что "Исповедь", высказанная теперь, это мистическое воскрешение тех, кто когда-то послужил прототипами для литературных героев. Это благодарность и поклон Проханова всем, кто вместе с ним сотворял и сберегал историю.

Но "воскрешённые" в "Исповеди" люди и события потребовали нового художественного преображения — стихов и рисунков. Стихи и рисунки всегда приходят к Проханову в самые сокровенные, самые исповедальные, самые напряжённые периоды жизни. В студенческой юности и в пору издания первой книги, во время чеченских войн и гибели подводной лодки "Курск". В прохановских стихах и рисунках одновременно и первый день творения, и апокалипсис. В них какая-то детская непосредственность, молодое жизнелюбие и при этом реликтовый страх конца света. Проханов проиллюстрировал, раскадрировал "Исповедь" рисунками. А может быть, понадобились сокровенные слова, чтобы соединить рисунки в промыслительном порядке — и так родилась "Исповедь". Проханов наполнил "Исповедь" стихами. А может быть, это "Исповедь" в самых пронзительных её моментах обрела рифму, ритм, уложилась в строфы:

Вы спросите меня, чей я разведчик?
Кто отправлял меня
в опасную разведку?
Ему молился средь церковных свечек.
Он мне прислал сиреневую ветку.

Вы спросите меня, чей я лазутчик?
Чьё выполнял секретное заданье?
Я не отвечу. Полюбуйтесь лучше,
Как полыхают звёзды в мирозданье.

Вы спросите меня, какой монетой
Мне заплатили за мои поступки?
Мне заплатили голубой планетой,
Вручили мир таинственный и хрупкий.

В далёкий путь послал меня Творец.
Берёг от пуль и подавал напиться,
Чтоб, жизнь прожив,
вернулся во Дворец,
Зажав в ладонь добытые крупицы.

Господь рассмотрит
крошки на ладони,
Моей разведке подведёт итоги.
Иль равнодушно с глаз своих прогонит,
Или возьмёт меня в свои чертоги.

Прохановские стихи и рисунки — откровение. Это свидетельство, которое пронзительнее и проницательнее любых репортажей. Это художественное выражение русской контратаки.

"Какое счастье жить в восходящий период русской истории!", — произнёс недавно Проханов. И в этих словах звучал восторг, соизмеримый с восторгом Суворова: "Горжусь, что я русский"; Пушкина — "Ура! мы ломим"; Блока — "Узнаю тебя, жизнь! Принимаю! И приветствую звоном щита!"

Восходящий период русской истории, русская контратака — это наш сирийский поход, сочинская Олимпиада, задушенный "цветной" зверь, метавшийся по Болотной площади, взошедшее солнце Крыма, восставший Донбасс, Специальная операция по восстановлению русской правды. И всё это оказалось под силу тому, для кого Россия не проект, а судьба. Тому, кто вернул гимну страны советскую музыку, кто восстановил заводы и алтари как фронт земной и фронт небесный.

Для ви́дения русской контратаки нужно особое зрение, особое обозрение. Она возвращает Проханова в то дивное виде́ние юности, когда таинственный ангел поднял его на высоту и показал ему землю во всей красоте и величии. Это длилось мгновение. А после всю свою долгую жизнь писатель шёл по необъятной земле, словно очарованный странник. Теперь же ангел явился вновь. Русский ангел света. Он предстал удерживающим: он уместил на ладони всё мироздание. Он сберегал лучистую сферу, которую молодой Проханов когда-то увидел необъятной землёй. Ангел поцеловал писателя в темя, распахнул в нём всевидящее око.

Это око узрело русскую мечту о всеобщем благоденствии. С этим оком Проханов разгадал коды русской Победы. Вгляделся в русскую душу с её вечным взысканием справедливости. Увидел, что жизнь вечна, время неразрывно: прошлое в настоящем прорастает, а будущее — озаряется благодатию и щедротами.

Михаил КИЛЬДЯШОВ